

... — иречь, охладн... Да иречь...
... ступить свободная Россія! Да иречь...
... Собрание.

МИЛИЦИЯ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСТАВЪ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ

КРАСНЫЙ ФЛАГЪ.

... столицей красный флагъ,
... свободы.

II.
... агомъ,
... шу ро-
... Россіи
... родная
... на даль-
... а Россіи,
... рода, все
... требуютъ
... о до по-

... ния силы, и
... армія наша
... никами мо-
... эти рѣ-
... ли мы дол-
... ему тѣснѣе
... родныхъ для
... согласіи съ
... мы за благо

ЦѢПИ
Зарис
Прив
балову кл
негодая т
чертопол
Тол
веретки
стаенно
племъ
ромашю
И
ковъ в
рожде
при
Вѣрь
част
на
об
зу

Иван Солоневич

Великая фальшивка февраля

«Алисторус»

2007

УДК 94(47)
ББК 63.3

Солоневич И. Л.

Великая фальшивка февраля / И. Л. Солоневич — «Алисторус»,
2007

В настоящее время история, как точная наука, переживает кризис. Магазины заполнили «исторические труды», близкие к стилю фэнтэзи, и каждый автор стремится убедить читателя, что именно его версия истории истинна. В таких условиях особенно ценными становятся книги, содержащие свидетельства очевидцев, цифры и факты – все это является твердым фундаментом, на котором можно выстроить свои знания об истории Отечества. Такова эта книга. Иван Солоневич, известный русский публицист и общественный деятель, в своем небольшом по объему труде проанализировал – словно скальпелем вскрыл – причины Февральского переворота, его виновников, его великую ложь, которую отметил и свергнутый Государь: «Кругом измена, трусость и обман». Студент и преподаватель, учащийся и учитель и просто любитель российской истории – каждый найдет в этой книге много интересного о революционной эпохе и первом десятилетии власти Советов, а так же экскурсы автора в глубь веков. К тем историческим событиям, которые стали роковыми для Российской империи и династии Романовых.

УДК 94(47)
ББК 63.3

© Солоневич И. Л., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Великая фальшивка февраля	8
Предисловие	8
О символике вообще	10
Что есть революция?	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Солоневич

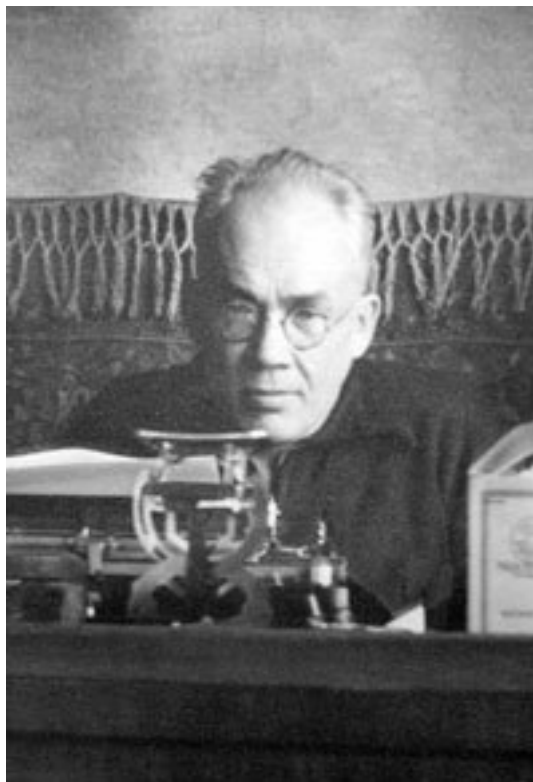
Великая фальшивка февраля

© Солоневич И. Л., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

© ООО «БСК», 2007

* * *

И. Л. Солоневич

1 ноября 1891 года в Вольском уезде Гродненской губернии в семье мелкого чиновника, впоследствии известного публициста, Лукьяна Михайловича Солоневича и его супруги Юлии Викентьевны, родился первенец, названный Иваном.

Детство и юность Ивана Солоневича прошли в Гродно и Вильно. Учеба – в гродненской гимназии. Еще в гимназические годы Иван начал печататься в газете «Северо-западная жизнь». Здесь же, в газете «Северо-западная жизнь», он знакомится со своей будущей женой – Тамарой Владимировной Воскресенской (1894–1938), дочерью офицера. Женившись на Тамаре Владимировне, И. Л. Солоневич переезжает в Петроград. Там вскоре рождается их единственный сын Юрий.

Начав с участия в спортивных занятиях польского клуба «Сокол» (1908–1910), Солоневич стал затем одним из организаторов витебского русского «Сокола», а потом работал и в петербургском. В своих спортивных достижениях в 1914 году Солоневич занял второе место на всероссийских состязаниях по поднятию тяжестей.

В Петрограде Иван Лукьянович поступает на юридический факультет университета, а в начале Первой мировой устраивается на работу в суворинскую газету «Новое время».

Вскоре Солоневич был призван в армию. Но на фронт его не послали из-за сильной близорукости.

В феврале 1917-го студенты-спортсмены, в том числе и Солоневич, для поддержания порядка организовали студенческую милицию. Будучи начальником Василеостровского отдела этой милиции, И. Л. Солоневич во время корниловского мятежа 1917 года находился при атамане Дутове.

С приходом большевиков к власти, с началом Гражданской войны, братья Иван и Борис Солоневичи бегут из Петрограда на юг, в Киев. Они работают на белых, добывая секретную информацию. Средний брат Всеволод (1895–1920) погибает в армии Врангеля. Эвакуироваться с остатками врангелевцев Ивану Солоневичу помешала болезнь – сыпной тиф.

На юге И. Л. Солоневич задерживается до 1926 года, работая в советских профсоюзах. С 1923 года он служит спортивным инструктором в Одесском продовольственном губернском комитете. В 1926 году, переехав в Москву, Солоневич стал инспектором ВЦСПС по физкультуре и спорту.

Когда младший брат Борис, отбыв срок в концлагере на Соловках и ссылку в Сибири за подпольное руководство скаутским движением, вернулся в Москву, братья стали готовиться к побегу из Советской России. Жена Ивана Солоневича заключает фиктивный брак с немецким техником и, получив германское подданство, в 1932 году уезжает в Берлин. Первая попытка побега была предпринята в 1932 году, через Карелию. Но братья не знали, что это район магнитных аномалий, – их компасы неправильно показывали направление. Они заблудились, Иван заболел – братьям пришлось вернуться. Вторая попытка была еще менее удачна: Бориса, Ивана и его сына Юрия, несмотря на их сопротивление (их опоили снотворным, но даже в полусонном состоянии Борис успел сломать челюсть одному из чекистов), сотрудники ГПУ арестовали в поезде по пути в Мурманск. Братьям дали по 8 лет концлагеря, а Юрию – 3 года.

Однако Солоневичи смогли бежать из Свирского лагеря, и 14 августа 1934 года Иван Солоневич с сыном Юрием удачно переходят финскую границу. Борису Солоневичу удалось это двумя днями раньше. Попав в Финляндии в фильтрационный лагерь, Иван Лукьянович, взяв взаймы карандаш и бумагу, начинает описывать все то, что пережил в СССР. Так родилась знаменитая книга «Россия в концлагере», принесшая автору мировую славу и финансовую независимость. «Россия в концлагере» создавалась два года. Все это время Солоневичи разгружали мешки и бочки в Гельсингфорском¹ порту. В Финляндии Иван Солоневич прожил около двух лет (1934–1936). Затем ему удалось достать визу в Болгарию.

Его книга «Россия в концлагере» разошлась сотнями тысяч экземпляров на разных языках мира. Гонорары с иностранных изданий позволили писателю начать издавать в 1936 году в Софии газету «Голос России».

Он старался организовать на основе кружков любителей газеты «Голос России» сплоченную организацию народно-монархического направления. Подобная деятельность не осталась незамеченной советскими спецслужбами: 3 февраля 1938 года в редакции «Голоса России» прогремел взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь Николай Петрович Михайлов. Вскоре прекратилось и издание «Голоса России».

Весной 1938 года И. Л. Солоневич переезжает в национал-социалистическую Германию – единственное место, где он мог чувствовать себя в безопасности от преследований советских властей. Находясь в Германии, он организует в Болгарии новое издание – «Нашу газету», первый номер которой вышел 19 октября 1938 года, последний – 18 января 1940 года. С началом Второй мировой войны издавать газету стало невозможно, и она прекратила свое существование.

¹ Хельсинки. – *Ред.*

В 1940 году была предпринята попытка создания журнала «Родина», но не было возможности из Германии редактировать журнал в Болгарии. Тем более что в 1940 году И. Л. Солоневич был приглашен для организации пропаганды финским Генеральным штабом – в то время шла советско-финская война. «Моя задача, – писал Солоневич о своей работе, – сводилась к тому, чтобы убедить финское правительство принять лозунг: «Борьба за нашу, но и за вашу свободу».

Вернувшись обратно в Германию, Солоневич пытается объяснить немцам, что в России, в случае войны, их не ждет легкая победа. Это не могло нравиться властям Германии, и гестапо не оставляет в покое непокорного писателя: несколько раз его арестовывают и наконец ссылают в провинцию – в Темпельбург, где он и проживет, до конца Второй мировой войны...

После войны он попал в английскую оккупационную зону, где бедовал до 1948 года, когда решился переехать в Аргентину. 18 сентября 1948 года начинает выходить газета «Наша страна», издающаяся до сих пор. В Аргентине Солоневич публикует главную книгу своей жизни – «Народную монархию» (1952). Но вскоре Солоневича высылают из Аргентины. Он оседает в Уругвае и продолжает писать для «Нашей страны». Умер Иван Солоневич 24 апреля 1953 года в итальянском госпитале в Монтевидео вскоре после перенесенной операции рака желудка.

Великая фальшивка февраля

Предисловие

Сейчас, когда керенское сборище, организованное на социальной базе случайных долларов, – никакой иной социальной базы у этого сборища *нет* – начинает что-то пищать от имени России, – нам нужно, наконец, развеять великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции. Эта ложь культивируется более или менее всеми партиями России, начиная от коммунистической и кончая ультраправыми. По существу, обе эти точки зрения совпадают: ВКП(б) говорит: «Народ сделал революцию». Ультраправые говорят: «Чернь, обманутая левыми, сделала революцию». Срединные партии, виляя хвостом то вправо, то влево, талдычат о завоеваниях Февраля, завоеваниях, в результате которых «народ» сидит в концлагерях, а «избранные» разбежались по Парагваям. Новая эмиграция не имеет почти никакой возможности отличить заведомую чушь от реальных исторических фактов и строительство легенд – от реальных социальных отношений в довоенной России. Такие усидчивые компиляторы, как С. Мельгунов, собирают горы цитат и показаний и, как и полагается усидчивым компиляторам, из-за деревьев не видят леса. Не видят того, что дворцовый переворот был результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории.

Лично я был профессиональным свидетелем событий всего 1916 и 1917 гг. – политическим репортером крупнейшей газеты России – суворинского «Нового времени». Даже и для нас, репортеров, так сказать, профессиональных всезнаек, революция была как гром среди совершенно ясного неба. Для левых она была манной, но тоже с совершенно ясного неба. Но о личных своих воспоминаниях я говорить не буду. Я постараюсь дать анализ социальной обстановки 1916 года и уже после этого приведу документальные данные о Феврале и его авторах.

По чисто техническим условиям я могу дать только очень схематический обзор событий. Для этой темы нужна бы книга – небольшая, но документированная бесспорными данными, книга, которую можно было бы дать в руки любому человеку России и показать, – здесь нечего даже и «доказывать», – как Россию губили и справа и слева и как фактически обстояли дела. Но до сих пор, за тридцать лет эмиграции, такой книги нет. Не было времени. Не было денег. И, уж конечно, не было никакого желания.

Это *очень* тяжелая тема. И я очень долго откладывал ее. Но дальше откладывать нельзя, ибо керенские и иже с ними готовят нам всем повторение: и Февраля, и Марта, и так далее, до Октября включительно. С той только разницей, что Керенщина 1917 года застала страну, полную противоречий, но полную сил. Сейчас противоречий будет, может быть, не меньше, чем их было в 1917 году, но хлеба – нет, жилищ – нет, одежды – нет, страна придавлена и чудовищным аппаратом ВКП(б), и чудовищной промышленностью для войны за мировой коммунизм, и чудовищностью предстоящей войны.

Сейчас не время ни для мифологии, ни для фальшивок. Кроме всего этого, мы должны иметь в виду, что «наследники Февраля», собравшиеся в Штутгарте, готовят если не совсем раздел, то что-то вроде балканизации России, что темные доллары им даны именно под этим условием, что они приняли и условия и доллары.

Правда о Феврале будет *тяжелой* правдой – легких правд у нас *нет*. Но эта тяжелая правда имеет и чисто практическое значение: нельзя допускать к власти никого из тех людей, которые справа сделали Февраль, а слева стали его углублять. Правда, все эти люди были только вывесками над событиями страшной нашей истории, и их *личные* преступления теря-

ются в море исторических сдвигов. О Великой французской революции Талейран говорил: «В ней виноваты все, или не виноват никто, что, собственно, одно и то же». О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый *факт*.

В числе прочих объяснений Февраля есть и еще одно, вероятно, самое глупое и самое позорное из всех имеющихся в распоряжении эмигрантской публики: английские интриги. Надо-де было изъять Россию из числа *будущих* победителей для того, чтобы не выполнить договора о проливах. Изъятие России ставило, прежде всего, под самую непосредственную угрозу всю судьбу войны, во-вторых, перемена режима никак не влекла за собою аннулирование международных договоров и, наконец, в-третьих, у английского посольства в Петрограде не было *никакой* возможности оказать заговору какую бы то ни было техническую помощь, а в материальной помощи участники заговора не нуждались никак: А. Гучков и М. Родзянко были богатейшими людьми России – никакие деньги им не были нужны. М. Алексеев богатым человеком не был. Но, как бы ни расценивать его личность, – нельзя же все-таки предположить, чтобы он продал своего Государя *за деньги*. Сэр Д. Бьюкенен и его дочь в своих мемуарах категорически отрицают какое бы то ни было английское участие в Февральском перевороте. Сторонники теории английской интриги не приводят *никаких* фактов, которые могли бы ее подтвердить. И единственное, на что они указывают, это на то, что совещания участников заговора происходили в английском посольстве. С совершенно такой же степенью безопасности они могли собираться и у Гучкова, и у Родзянки, и в штабе Алексева, и вообще где угодно – сыскной машины ВЧК – МВД тогда ведь не существовало. О нашем правящем – или правившем – слое можно быть очень низкого мнения. Сторонники теории английской интриги, сами не сознавая этого, пропагандируют самое низкое мнение, какое только может быть: наш правивший слой дошел-де до такой степени разложения, что достаточно было показать ему пачку фунтов стерлингов, чтобы толкнуть его на любое предательство. Такого мнения не придерживаюсь даже и я.

О символике вообще

Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее сталью – получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее враньем: получается история. Или исторический факт. Именно по такому рецепту Петр Первый был сделан Великим, Екатерина II – Великой, Павел I – безумцем, Николай Первый – Палкиным. Примерно по такому же рецепту знаменитый Моммзен писал свою знаменитую римскую историю, и проф. Виппер, анализируя моммзенские изыскания, скорбно констатирует, что все они имели, в сущности, в виду только одно: политическую пропаганду того, что впоследствии было названо прусским милитаризмом: «Вот видите, древние римляне поступали точно так же, как должны поступать мы: «Хайль Гитлер!»

Гитлера, правда, во времена Моммзена не было, но Гитлер родился именно из Моммзена. Это только подпрапорщики запаса могут полагать, что «великие люди» появляются на свет Божий путем самозарождения. Трагедия заключается в том, что большинство человечества состоит все-таки из вот таких подпрапорщиков. Им, подпрапорщикам, нужен *символ*. Что-то простое, явное, осязаемое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения, вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою, – слой сплачивается около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации – как утешение. Таким символом стало для Франции 14-е июля, день взятия Бастилии. А казалось бы, чего тут праздновать? Ведь как-никак взятие Бастилии если и символизирует что бы то ни было, так только начало падения страны с первого места в Европе и в мире на – трудно сказать на какое именно место, что-то в пределах второй половины первого десятка. Но вот, празднуют...

Противоречие символики с самыми очевидными фактами не играет, по-видимому, никакой роли. Вот умный человек. Лев Тихомиров, пишет, что Петр Первый понавыдумывал таких законов, которые, если бы у него хватило гениальности еще и провести их в жизнь, привели бы к форменной катастрофе, но, к счастью для России, гениальности Петра Первого хватило только на законодательное прожекторство... И – все-таки: гений. Другой, тоже умный человек, В. Ключевский, вертится, как черт перед заутреней, сам себе на каждом шагу противоречит, а опасные пункты символики старается обходить как можно осторожнее. Проф. Платонов посвятил целую книгу реабилитации петровской гениальности – в Советской России это предприятие *абсолютно* безнадежное – и самым тщательным образом обходит: и дезертирство под Нарвой (при пятикратном превосходстве сил), и бегство из-под Гродно, и, наконец, такой военный скандал, какого в русской истории больше не было никогда: Прутскую капитуляцию. И Нарва и Гродно объясняются стандартизировано: престиж шведской непобедимости. И старательно обходится стороной нам почти неизвестный генерал-майор Келин, у которого в Полтаве было: четыре тысячи «гарнизонной команды» и четыре тысячи «вооруженных обывателей» и который был, по-видимому, совершенно не проницаем ни для какого «престижа» Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую «гарнизну» и вооруженных обывателей!), разделал тридцатитысячную армию Карла XII так, что от нее осталась – по Ключевскому, «голодная и оборванная толпа», и, кроме того, толпа, лишенная пороха, а следовательно, и артиллерии. Полтавская победа над этой толпой была описана двести пятьдесят раз. А о генерал-майоре Келине я не смог найти никакой литературы. Не знаю, есть ли она вообще. Вероятно, нет. Ибо, если мы сопоставим два факта: а) дезертирство при Нарве, при пятикратном превосходстве русских сил и б) защиту Полтавы при четырехкратном превосходстве неприятельских сил, то совершенно *очевидно*, что от стратегического гения Петра Первого не останется абсолютно ничего. Но этот «гений» был необ-

ходим *социально* для правых, ибо он символизирует начало крепостного права, и для левых, ибо он символизирует революционное насилие над нацией.

Практически в установлении крепостного права Петр Первый был абсолютно ни при чем. Он не отдавал себе отчета в том, что делалось вокруг него и от его имени. Екатерина Вторая отдавала себе совершенно ясный отчет: она то взывала к Сенату, то писала указы, то плакала – но сделать она не могла ничего: ее убили бы еще проще, чем убили Императора Павла Первого.

Эта маленькая справка по поводу исторической символики приведена потому, что история – или, точнее, историография – Февральской революции с изумительной степенью точности повторяет рецепт артиллерийского производства: берется дыра и дыра обливается выдумками. Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован:

а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии – тут главную роль сыграл Родзянко;

б) денежной знатью – А. Гучков и

в) военной знатью – ген. М. Алексеев.

У каждой из этих групп были совершенно определенные *интересы*. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы – но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям XVIII века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность – вызвали на Сенатскую площадь *массу*. Большевицкий историк проф. Покровский скорбно отмечает, что Императора Николая Первого «спас мужик в гвардейском мундире». И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и Императора Павла Первого. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать Государя Императора и от армии и от «массы», что и проделал ген. М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был ген. М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые во всем этом были абсолютно ни при чем. И только после отречения Государя Императора они кое-как, постепенно пришли в действие: Милоков, Керенский, Совдепы и, наконец, Ленин – по тем же приблизительно законам, по каким развивается всякая настоящая революция. Но это пришло позже – в апреле – мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа или Лиги, «помещиками, фабрикантами и генералами». Так что, если члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий клянутся великими принципами Февраля, то они клянутся принципами «помещиков, фабрикантов и генералов». По всей вероятности, ни о чем этом члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий и понятия не имеют.

Таким образом, символика Февраля с потрясающей степенью точности повторяет символику Петра Первого. Правые, которые сделали революцию, признаться в этом не могут никак. Именно поэтому правая публицистика эмиграции ищет виновников Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, йогах, бушменах, в нечистой силе и в деятельности темных сил, ибо как признаться в том, что «темными силами» были как раз помещики, фабриканты и генералы? Не могут об этом говорить и левые – ибо что тогда останется от *народной* революции? От великих завоеваний Февраля? И от «восстания масс против проклятого старого режима»? Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя Императора о предательстве и прочем относится именно к *их* среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще не от какой «революции», а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правившего слоя.

Таким образом, фальшивка Февраля декорируется с двух сторон: левые пытаются все свалить на народ, правые – на народ, «обманутый левыми».

Как будет *показано* дальше, никакой «народ» *никакого* участия в Феврале не принимал. Но кое-какие массы принимали кое-какое участие в «углублении Февраля» – а что им оставалось делать? Веками и веками привычная власть пала. Кому было верить? Массы не верили *никому*.

Прежде чем перейти к изложению фактической стороны событий конца 1916 года, когда заговор назревал, и начала 17-го, когда он был реализован, попробуем поставить вопрос: кому это было нужно? – *qui prodest?*² Нельзя же, в самом деле, предполагать, чтобы люди по пустякам пошли на такое предприятие, которое при неудаче грозило виселицей. Чтобы такие факторы, как болезненная застенчивость Государыни Императрицы, могли бы толкнуть людей на государственный переворот. Или чтобы даже и Распутинская легенда, созданная верхами аристократии, могла играть какую-то реальную роль. Ведь вот никого в свое время не возмущали ни Орловы, ни Зубовы – при всей фактической стороне их плодотворной деятельности. Почему *вымышленное* «влияние» Распутина могло вызвать негодование? И именно в тех слоях, которые по ежедневной своей практике не могли не знать, что никакого влияния не было. Никакой роли не могло играть и положение армии, ибо если кто-либо в мире знал, что армия наконец вооружена до зубов, то в первую голову этого не могли не знать ген. Алексеев, как начальник штаба Верховного Главнокомандующего, и А. Гучков, как председатель Военно-промышленного комитета. Впоследствии М. Родзянко – самый массивный, самый громогласный и, по-видимому, самый глупый из участников заговора – писал о том, что с революцией или без революции Россия все равно была бы разбита. Как мы уже знаем, некоторые, несколько более умные люди, чем М. Родзянко, – У. Черчилль и А. Гитлер придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Таким образом, все эти соображения отпадают начисто. Остаются другие.

Если мы *честно* продумаем нашу внутреннюю историю Петербургского периода, то мы увидим, что красной и *кровавой* нитью проходит через нее царевубийство. Говоря несколько символически – от Царевича Алексея Петровича до Царевича Алексея Николаевича. Все царевубийства, кроме царевубийства 1 марта 1881 года, были организованы *знатью*. И даже убийство Царя-Освободителя находится под некоторым вопросом: в самом деле, почему не смогли охранить? Может быть, не очень хотели? Жалкая кучка изуверов организует *семь* покушений, и весь аппарат Империи никак не может с этой кучкой справиться.

В самом деле – почему? Как бы то там ни было, место, занимавшееся русскими государями, было *самым опасным* местом в мире. И если Алексей Петрович, Иоанн Антонович, Петр Третий, Павел Первый, Александр Второй и Николай Второй погибли от руки убийц, то ведь Николай Первый и Александр Третий спаслись только случайно. Восшествие на российский престол почти равнялось самоубийству. Дело заключалось в том, что Петербургская Империя строилась как Империя крепостническая, и Петербург был необходим как штаб, который мог бы держать монархию в плену, изолировав ее от страны, от нации, от *массы* и непрерывно держа носителей Верховной Власти под дулом царевубийства. Так было с Алексеем Петровичем и так же случилось с Николаем Александровичем. Санкт-Петербург был построен *именно для этого*.

Русская знать стояла накануне полной экономической *катастрофы*, точно так же, как перед Петром Первым она стояла накануне политической. В предвоенные годы дворянское землевладение теряло до трех миллионов десятин в год. Задолженность дворянского землевладения государству достигла чудовищной суммы в три миллиарда рублей. Если эту сумму перевести хотя бы на цену фунта мяса (около двугривенного в России тогда и около доллара

² Кому выгодно (лат.) – *Ред.*

в САСШ³ сейчас), то она будет равняться 12–15 миллиардам долларов. Два или три «плана Маршалла», вместе взятых. Покрыть эту задолженность дворянство не имело *никакой* возможности – оно стояло перед полным банкротством.

Низовое и среднее дворянство давно примирилось с судьбою. Оно, по существу, возвращалось в старое положение московского служилого слоя. Оно заполняло администрацию, армию, свободные профессии, в очень слабой степени шло и в промышленность. Если, по словам алдановского профессора Муравьева, Александр Второй отнял у дворянства половину его состояния, – то Столыпинские реформы отнимали и вторую. Для дворянской *массы* это уже не было угрозой: она служила, работала, и ее «поместья» были только или «подсобным предприятием», или – еще проще – дачей. Для нашего «вельможества» Столыпинская реформа была началом окончательного конца. Такие дворяне, как А. Кони, или Л. Толстой, или Д. Менделеев, или даже А. Керенский, шли в «профессию», которая иногда оплачивалась очень высоко, но которая никак не могла оплатить ни дворцов, ни яхт, ни вилл в Ницце, ни даже яхт-клуба в Петербурге. Это было *катастрофой*, отсюда и та травля, которой подвергался П. А. Столыпин со стороны Совета Объединенного Дворянства. Супругу министра Его Величества П. А. Столыпина в «салонах» не принимали, как не принимали и супругу С. Ю. Витте.

П. А. Столыпин был убит. Государь продолжал то дело, которое не совсем уж правильно называется Столыпинской реформой, правильнее было бы назвать его Николаевской реформой, как всегда медленно и как всегда с огромной степенью настойчивости, – ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно. Для дворцов, яхт, вилл и прочего отстранение Государя Императора было *единственным* выходом из положения – точно так же, как в свое время убийство Павла Первого.

Особенно трагическая черточка всего этого заговора заключается в том, что и часть Династии приняла в нем активное участие. Династия – чем дальше от престола, тем больше сливалась с земельной аристократией, с ее политическими и социальными интересами. В начале января 1917 года повелением Государя Императора четыре Великих Князя были высланы из Петербурга (см.: С. Ольденбург, т. II, с. 232) – и конечно, у Государя Императора были для этого достаточные основания, при Его антипатии ко всякого рода крутым мерам. Династически-аристократическая группа строила свои расчеты на Вел. Кн. Николае Николаевиче, который, кажется, не без основания считался крайним реакционером и отношение которого к Царской Семье было чрезвычайно плохим. Тот факт, что о заговоре Вел. Кн. Николай Николаевич *знал*, не может, по-видимому, вызывать никакого сомнения. Дальнейшее пока неясно. Но, во всяком случае, именно эти круги обеспечили заговору его технического исполнителя, ген. Алексеева.

Основной пружиной заговора был, однако, А. И. Гучков. Для этого у него были свои основания, и эти основания категорически и непримиримо расходились с мотивами аристократической группы.

После П. А. Столыпина А. И. Гучков был, конечно, *самым крупным* человеком России. В его патриотизме не может быть никаких сомнений, но ведь «патриотами» были и французские якобинцы, «патриотами» называют себя наши ленинцы и сталинцы, чекисты и энкаведисты, так что этот термин почти ничего не говорит. Пока был жив П. А. Столыпин, А. И. Гучков со всей своей силой поддерживал и П. А. Столыпина и правительство вообще. Со смертью П. А. Столыпина А. И. Гучков перешел в оппозицию, имевшую два разреза.

Правая публицистика эмиграции очень любит идеализировать положение, существовавшее в России в предвоенные годы. Нет, положение никак не было блестящим. Не забудем того, что в 1902–1908 годах по Высочайшему повелению была создана комиссия по исследованию причин «оскудения центра России», под председательством В. Н. Коковцова. Так что

³ Северо-Американские Соединенные Штаты. – *Ред.*

факт «оскудения» был признан официально. И была найдена его причина – главным образом община. Не забудем того, что писал такой правоверный монархист, каким, конечно, является Л. Тихомиров.

«Господство бюрократической системы... довело до страшного упадка нашу Церковь, изуродовало дух земского самоуправления, подорвало даже *боевые* качества русской армии. Оно, наконец, так подорвало уровень самой бюрократии, что уже стало невозможно находить способных и дельных работников администрации».

На ту же тему можно было бы привести еще более резкие мнения и бар. Н. Врангеля, и кн. С. С. Волконского, и А. С. Суворина, и многих других – *правых* людей. Русская бюрократия *действительно* была очень плоха, для 1912 года, конечно. Для 1951 она показалась бы общим собранием ангелов – ничего не поделаешь, мы прогрессируем... П. А. Столыпин кое-как привел эту бюрократию в кое-какой порядок. После его гибели начались Штюрмеры: людей в *данном* слое не было, как на это не раз жаловался и Государь Император. Но в России вообще людей было сколько угодно, и, конечно, одним из них, может быть, первым из них, был А. И. Гучков – и лично, и *социально*.

А. И. Гучков был представителем чисто русского промышленного капитала, который хотел и который имел право, по крайней мере, на участие в управлении страной. В этом *праве* придворная клика ему отказывала. Об этой клике А. Суворин писал:

«У нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то *сброд*» («Дневник», с. 25).

Этот «сброд», проживавший свои последние, самые последние закладные, стоял на дороге Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым – людям, которые *делали* русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые *умели работать* и которые знали Россию. От *их* имени А. И. Гучков начал свой штурм власти. Власть для него персонифицировалась в лице Государя Императора, к которому он питал нечто вроде личной ненависти. Во всяком случае, Высочайший прием А. Гучкова, как председателя Государственной Думы, был очень холоден. В Петербурге рассказывали, что, отмечая претензии А. Гучкова на министерский пост, Государь Император якобы сказал: «Ну, еще и этот купчишка лезет». Фраза в устах Государя Императора очень мало правдоподобная. Но – фраза, очень точно передающая настроения «правлящих сфер», – если уж и П. А. Столыпин был неприемлем как «мелкопоместный», – то что уж говорить об А. Гучкове? Лучшего премьер-министра в России не было. Но для того, чтобы назначить А. Гучкова премьер-министром, Государю Императору пришлось бы действовать в стиле Иоанна Грозного. Стиль Иоанна Грозного исторически себя не оправдал: его результатом было, в частности, и Смутное время.

Предреволюционная Россия находилась в *социальном* тупике – не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом.

Сейчас, треть века спустя после катастрофы Февраля 1917 года, мы можем сказать, что объективно внутреннее положение России было почти трагическим. Сейчас, после Февральской и Октябрьской революций, мы обязаны наконец констатировать тот факт, что вся наша история Петербургского периода была до крайности дисгармонична: если половина носителей Верховной Власти гибли от руки убийц и из всех Императоров России только Петр Первый и Александр Первый не находились в состоянии непрерывной и смертельной опасности со стороны *правлящих* слоев страны, то о внутренней гармонии в стране могут говорить только «Часовые» и иже с ними. Но «Часовые» и иже с ними не могут, не смеют констатировать того факта, что из всех слабых пунктов Российской Государственной конструкции верхи армии представляли *самый* слабый пункт. И все планы Государя Императора Николая Александровича сорвались именно на этом пункте.

Л. Тихомиров был прав: бюрократия поставила под угрозу даже и боеспособность армии. Может быть, лучше было бы сказать точнее: не боеспособность личную, а боеспособность техническую. Блестящие традиции Суворова, Потемкина, Кутузова и Скобелева были заменены прусской муштрой, против которой так яростно восставал М. Скобелев, – последний «из стаи славных». Дольше всего эта блестящая традиция сохранилась в нашей кавказской армии, где даже и во времена Николая Первого солдат называл своего офицера по имени и отчеству и где солдат и офицер были боевыми товарищами – младшими и старшими, но все же товарищами. Эта традиция была заменена прусско-остзейской. Целый и длинный ряд социальных причин привел к тому, что если Россия, взятая в целом, дала миру ряд людей самой, так сказать, первейшей величины и дала их *во всех* областях человеческого творчества, то самый важный участок – армия – был обнажен. Как ни плоха была старая бюрократия, но даже и из ее среды государи могли подбирать таких людей, как С. Витте, В. Коковцов, Н. Сазонов, не говоря уже о П. Столыпине. На верхах армии была дыра. После каждого крупного маневра производились массовые чистки генералитета, военный министр с трибуны парламента расписывался в бездарности командного состава армии. Но что было делать? Самый чин генерала в довоенной России приобрел, с легкой руки Ф. Достоевского, явственно иронический характер. Но – делать было нечего, людей не было и после страшной генеральской чистки, произведенной Вел. Кн. Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место вычищенных поставить некого. Чистка подняла популярность Великого Князя в армии – точнее, в ее солдатском составе, но шла война, и делать было нечего.

Генерал М. Алексеев был типичным генералом не от инфантерии, не от кавалерии и не от артиллерии, а от бюрократии. Генерал-канцелярист.

Другой генерал – А. Мосолов, придворный дипломатический генерал, пишет о ставке так: «Окружение Царя в ставке производило впечатление тусклости, безволия, апатии и предрешенной примиренности с возможными катастрофами».

И тут же ген. А. Мосолов прибавляет поистине *страшный* штрих:

«Честные люди уходили, и их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе».

Таков подбор «кадров», сделанный ген. М. Алексеевым. Из каких соображений пошел он на приманку государственного переворота?

Аристократия и буржуазия имели совершенно ясные и классовые мотивы. Какие мотивы могли быть у ген. М. Алексеева? Об этом можно только гадать. Самая вероятная догадка сводилась бы к тому, что Государь Император брал командование армией в свои собственные руки и что переворот мог означать – Вел. Кн. Николая Николаевича в качестве регента Империи, а ген. М. Алексеева в качестве верховного главнокомандующего армией, – армией, которая стояла на пороге, казалось бы, совершенно гарантированной победы. Почему бы М. Алексею не стать вторым М. Кутузовым? Это – самое вероятное объяснение. А может быть, и единственное.

Что есть революция?

Прежде чем ответить на вопрос, была в феврале 1917 года революция или никакой революции не было, нужно установить, что, собственно, есть революция? Термин – неясен и неточен. Само собою разумеется, что «революция в науке» или «революция в технике» не то же самое, что революция в государстве. Но и в государстве революции бывают разные. Дворцовый переворот тоже можно назвать революцией. Можно назвать революцией и народное восстание. Было ли Пугачевское восстание революцией или не было? Было ли революцией восстание североамериканских подданных Великобритании против их метрополии? Условимся так, революция есть широкое, народное и насильственное движение, направленное к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя. С этой точки зрения настоящими революциями были и Великая Французская революция, и русская революция 1905 года.

Сейчас, почти полвека спустя, русскую революцию 1905 года мы *обязаны* оценить со всей доступной нам степенью объективности, – совершенно независимо от того, нравится ли она нам, или не нравится. Революция 1905 года была народной, была массовой и была насильственной. Как и во всякой революции, ее участники ставили себе разные цели, шли разными путями и называли разные вещи одним и тем же именем и одни и те же вещи – разными именами. Такова судьба всех революций. Крестьянские восстания («беспорядки») охватили почти всю европейскую Россию; они были направлены против дворянства, но они не были направлены против монархии. Военные восстания – бунт на броненосце «Потемкин», захват революционерами Кронштадта (26 и 27 октября Кронштадт был во власти революционеров), вооруженное восстание Черноморского флота 14 ноября (главный «герой» – лейтенант Шмидт), вооруженное восстание в Москве, начатое 2 декабря Ростовским полком. Пресненское восстание в Москве (бои за Пресню длились *десять* дней), вооруженное восстание в Горловке, Новороссийске, в Туркестане, на Кавказе и пр., и наконец, всеобщая забастовка, на три дня совершенно парализовавшая весь транспорт, всю промышленность, весь административный аппарат, – все это проходило под лозунгом «Долой самодержавие!». Но под этим лозунгом разные люди и разные партии понимали *разные* вещи. Так, например, даже пресловутого лейтенанта Шмидта советская история называет «буржуазным демократом», что эквивалентно эмигрантскому термину «разлагатель».

Таким образом, в 1905 году в России была настоящая революция – массовая, народная и насильственная. Вину в этой революции не следует сваливать ни на чьи частнособственнические плечи: это было *историческое* явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрещивались, что... получалось глупо, как глупо получается со *всякой* революцией в мире и истории. Революции 1917 года очень симпатизировал еврейский банкирский дом Якова Шиффа в САСШ, и после революции Яков Шифф и Павел Милуков обменялись возмущенными телеграммами. Яков Шифф, как и всякий еврей того времени, был, конечно, настроен против самодержавия – однако его симпатии к русской революции были вызваны не столько русофобством, сколько германофильством. До сих пор остается неизвестным, действительно ли Яков Шифф «финансировал» революцию 1917 года и если да, то кому он давал деньги. Но если он их и давал, то – в конечном или еще не конечном счете – для того, чтобы на тучной почве русской революции вырастить Адольфа Гитлера. Так что деньги если и были вложены, были вложены не совсем туда, куда следовало. Несколько умнее поступили другие евреи. В числе прочих факторов, способствовавших разгрому революции 1905 года, был заем в 800 миллионов рублей, который дом Ротшильда устроил для России. Еврейская революционная и шовинистическая пресса – есть ведь и еврейский шовинизм, как есть русский и другие, – предала дом Ротшильда анафеме, что не мешало ему существовать и до сих пор.

Революционное движение 1905 года было *лоскутным*, – как всякое революционное движение в мире и истории. Крестьянство воевало против помещиков. Пролетариат ставил во главу угла социально-экономические требования. И крестьянство и пролетариат действовали *бесцельно*, – ибо то же самое «самодержавие», которое они якобы пытались «свергнуть», делало все, что находилось в пределах данных историко-экономических условий, для того чтобы удовлетворить законные требования и крестьянства и пролетариата. Солдатская и матросская масса восставала против остзейской дисциплины. Интеллигенция – главным образом во имя собственной власти или, по крайней мере, участия во власти. Причем в 1905 году, как и в 1917-м, цели разных групп интеллигенции были абсолютно несовместимы – Милоков, с одной стороны, и Ленин – с другой. Однако разница между событиями 1905 года и «революцией» 1917-го была *огромной*. По самому глубинному своему существу революция 1905 года была все-таки революцией *патриотической* – при всем безобразии ее внешних форм. Россия до 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя – строя, который «самодержавие» медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не существовало никакого народного представительства, в которой существовали предварительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и неполноправная масса крестьянства. Социально-административный строй России был отсталым *строем*. Это положение никак не касается монархического принципа вообще, ибо монархи, как и генералы, «бывают разные». Сейчас, например, существует английская социалистическая монархия, чем она кончится – еще неизвестно. В России до 1905 года существовала монархия, «ограниченная царевубийством» и *сдавленная* пережитками крепостничества. Государь Император Николай Второй был несомненно лично *выдающимся* человеком, но «самодержавным» Он, конечно, не был. Он был в плену. Или, как еще резче выражается генерал А. Мосолов, «в тюрьме» – так же, как и Его предок Император Павел Первый. Его возможности были весьма ограниченными – несмотря на Его «неограниченную» власть. И если при Императоре Николае Первом Россией правили «сто тысяч столоначальников», то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. *Правили нацией*, по существу, *они*. По существу, страна боролась против *них*. Но против них же, правда, в других формах, боролось и «самодержавие». Таким образом, обе линии совпадали, линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф Японской войны.

Очень было бы полезно вспомнить тот факт, что «общественное движение» времен этой войны началось со *студенческой* демонстрации к Зимнему дворцу с пением «Боже, Царя храни» (см. Ольденбург, с. 233). Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Сплошные поражения, закончившиеся гибелью всего флота при Цусиме, поражением при Мукдене и сдачей Порт-Артура. Нация исключительно талантливая, энергичная и боеспособная начала искать виновников. И если неудачи Крымской кампании имели удовлетворительное объяснение: против России выступали такие первоклассные европейские государства, как Франция и Англия, плюс еще и Турция; если Турецкая война оставила в нации все-таки очень горький осадок, то Японская война была страшным ударом по национальному самолюбию. В самом деле: даже с «япошками» и с теми не можем справиться! Целый ряд поражений заканчивается Цусимой – гибелью *всего* русского флота при почти полном отсутствии потерь в японском. Сдача Порт-Артура и – первый раз в новой истории мира – разгром европейского государства азиатским противником.

Если бы неудачу Японской войны персонифицировать в лице ген. А. Куропаткина, по той же схеме, как развал 1917 года персонифицирован в лице А. Керенского, то можно бы сказать так: ген. А. Куропаткин был до войны русским военным атташе в Японии – о степени японской военной подготовленности *он обязан* был знать. Он не знал. Потом он был нашим военным министром, и в качестве военного министра *он обязан* был подготовить

армию. Он не подготовил. Потом в качестве главнокомандующего армией он обязан был вести ее к победам. Он не привел ни к одной. Советская историческая литература, и художественная и научная, всячески подчеркивает героизм офицеров и причины поражения объясняет исключительно одним – бездарностью командования. Объяснение неудовлетворительное, ибо неполное: ген. А. Куропаткин был результатом данного социального слоя. Да, интендантство, поставляя армии валенки на картонных подошвах, стесняло маневренные возможности ген. Куропаткина, но ген. Куропаткин в качестве военного министра был ответствен и за интендантство. Да, русское вооружение *отставало* от японского, как оно отставало от турецкого в войну 1877 года и от союзного в Крымскую войну. Может быть, не хватило денег на артиллерию. Но почему не хватило знания о закрытых позициях артиллерии? Да, радиотелеграф был изобретен в России. Но почему он был на японском флоте и его не было на русском? Таких вопросов можно было бы поставить бесконечное количество. Сумма ответов на все эти вопросы была, действительно, до очевидности проста: устарелый правящий слой страны, базирующийся на ее устарелом социальном строе, не годился никуда. Из установления этого – совершенно *бесспорного* – факта был сделан по меньшей мере спорный вывод: «долгой самодержавие». Спорный потому, что «самодержавие» или «монархия» не связаны ни со строем, ни со строем, монархия может быть и крепостническая, и социалистическая, а «самодержавие» в старой Москве означало – в переводе на нынешний язык – национально-суверенную монархию, ограниченную и Церковью, и Соборами, и традицией. В Санкт-Петербурге XVIII века оно обозначало монархическую вывеску над диктатурой дворянства, и в XIX столетии оно обозначало центральную единоличную власть, «ограниченную царевубийством» и пытавшуюся вернуться к московским истокам этой власти. Кое-что из всего этого мы начинаем понимать только сейчас. Но в 1905–1906 гг. вопроса о понимании даже и не ставилось: страна, я бы сказал, пришла в разъяренное состояние. И не было никакого агитпропа, который разъяснил бы: так в чем же, в сущности, было дело? Дело, конечно, было в социальном тупике, настоящего выхода из которого не нашел и манифест 17 октября 1905 года. Двенадцать лет спустя оказалось, что тупик так и остался тупиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.